

Михаил Козаков вернулся из Израиля композитором Генделем

Годы эмиграции не прошли даром

ЛАРИСА ЮСИПОВА

В ВОСКРЕСЕНЬЕ в театре им. Пушкина антреприза Михаила Козакова показала спектакль «Возможная встреча». Впервые после многолетнего отсутствия на родине знаменитый актер и режиссер вышел на московскую сцену.

В постановке Козаковым популярной пьесы Пауля Браца о возможной, но не состоявшейся встрече Генделя и Баха есть все, что можно было от нее ожидать: размышления о природе творчества, о вечном, проходящем, искусстве, коммерции, славе и судьбе пророка в своем отечестве. Для своего возвращения в Москву Козаков должен был выбрать именно эту пьесу — и не только потому, что он с успехом поставил и играл ее в Израиле (в партнерстве с Валентином Никулиным) и даже привозил спектакль в Петербург. Погруженность в размышления всегда была, если можно так выразиться, истинным козаковским амплуа, способность

к рефлексии — его фирменным знаком. С этим он уехал и с этим вернулся.

Мотив возвращения, хотя и не главный, но важный в пьесе Пауля Браца. «Средний» гений, гурман и самый высокооплачиваемый композитор мира Гендель возвращается на родину — в Лейпциг, чтобы встретиться с высочайшим гением и отшельником Бахом. Их остроумно прописанная словесная дуэль приводит зрителя к выводу, что время стирает города и цивилизации, но оно не властно над истинными ценностями, что прекрасное должно быть величаво, а суетливость не к добру.

Козаков-режиссер и Козаков — исполнитель роли Генделя послушно следуют за драматургом, но не в покорности чужому замыслу — нерв нынешней постановки. Возвращение одного из лидеров своего поколения домой после длительного отсутствия должно восприниматься публикой как нечто сродни приезду Генделя из

шумного Лондона в захолустный Лейпциг.

Израиль, правда, не Альбион и Михаил Козаков не мировая знаменитость, но в масштабах той Москвы, которую он оставил — города все еще сильно отдаленного от европейской моды, — эти два возвращения могли бы казаться по праву сопоставимыми. Как ни странно, но, сидя в зрительном зале театра им. Пушкина, начинаешь думать, что Козаков и впрямь вернулся в тот город, из которого уехал. И только стандартная для нынешних администраторов просьба отключить на время спектакля пейджеры и сотовые телефоны заставляет вспомнить об отшумевших (выражаясь языком героя «Покровских ворот») годах.

Театр — среда консервативная, здесь привыкли чтить пророков в своем отечестве, и возвращение звезды шестидесятых — восьмидесятых восприняли с благодарностью. Профессиональные и предсказуемые актерские работы: якобы хитрая лиса Гендель и якобы простак Бах (Евгений Стеблов); незатейливая режиссура: музыка тише — громче, а в особо патетических местах возникающие на заднем плане и постепенно обволакивающий сцену дым, — из всего этого следует, что годы эмиграции не прошли даром. В своей визитной карточке Михаил Козаков добавил к словам «режиссер» и «актер» еще и слово «антрепренер», подчеркнув, что не намерен отказываться от накопленного за рубежом опыта. Тем же, кто излишне скептически отнесется к нынешнему «дебюту-бис» артиста на столичной сцене, советуем сначала полюбопытствовать, что творится в других московских антрепризах.

Михаил Козаков: туда и обратно

Михаил Козаков уехал в Израиль весной 1991-го — когда обожание поколения, к которому принадлежал Козаков, сменилось вежливым и едва ли не оскорбительным интересом. Говорил тогда, что боится остаться здесь без работы, без денег, без зрителя. Как актер и чтец Козаков был, возможно, самым ярким символом «интеллигентного шестидесятиничества», отдававшего предпочтение не Евтушенко и Вознесенскому, а Ахматовой и Мандельштаму. Как телережиссер он делал нечто от тогдашней моды отличное — обыденное житейское повествование с неожиданным сказочным поворотом. Ни критика, ни сам режиссер этой новой романтики не почувствовали. Но уловили зрители и актеры. Alter ego автора — Костик из «Покровских ворот» — стал лицом нового поколения: с этой ролью в кино вошел Олег Меньшиков. В Израиле Козаков работал в театре «Мост», овладел с нуля языком, играл в Ивритском театре, а после того как «Мост» тоже перешел на иврит и ниша русскоязычного театра освободилась, создал «Русскую антрепризу Михаила Козакова». За последние два года он снялся в российском фильме «Мания Жизели» и поставил в петербургском театре им. В. Ф. Комиссаржевской американскую комедию «Чествование», сыграв в ней главную роль.

Гендель (Михаил Козаков — слева) и Бах (Евгений Стеблов — справа): кто кого погладит по головке, еще большой вопрос